

Наталья Алексеевна СОЛОВЬЕВА,

кандидат юридических наук, доцент, ORCID 0000-0002-5215-6299

Волгоградский государственный университет (г. Волгоград)

заведующая кафедрой процессуального права и криминалистики

natalisoul13@mail.ru

Научная статья

УДК 343.132.8

ПРОТОКОЛЬНЫЙ ЯЗЫК СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ КАК ЗЕРКАЛО ПРОФЕССИОНАЛИЗМА СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Уголовный процесс, следственное действие, протокол, профессиональная речь, письменная речь, точность изложения, однозначность текста, эмоциональная нейтральность.

АННОТАЦИЯ. *Введение.* Слово в юридической деятельности никогда не бывает «пустым звуком». За любыми юридическими обозначениями всегда стоят реальные люди, их благополучие, а подчас и жизнь. Язык, выступающий в качестве основополагающего инструмента человеческой коммуникации, исторически способствовал развитию социума. Протокольный язык следственных действий является важнейшим средством передачи объективной информации при сохранении эмоциональной нейтральности. Без исключения субъективных оценок невозможно обеспечить справедливость и беспристрастность уголовного судопроизводства. Примечательно, что понятие «протокольный язык» (или «язык протокола») формально не закреплено, но это обстоятельство не отменяет его существования. А требования, предъявляемые к оформлению протоколов (в частности протоколов следственных действий), подтверждают необходимость глубокого изучения данного средства общения. *Методы.* Для всестороннего рассмотрения изучаемых автором статьи вопросов были использованы различные классические диалектические и общенаучные методы познания: сравнительно-правовой, анализ, синтез, индукция, дедукция, системная интерпретация. *Результаты.* Современный этап развития общества характеризуется быстрым совершенствованием цифровых технологий, что обуславливает появление новых требований к структуре и функции языка следственной практики. Для того чтобы он соответствовал вызовам технологического прогресса, следует уделять повышенное внимание вопросам ясности, точности и объективности протокольного языка. Систематическое изучение и внедрение стандартов языковой культуры в уголовно-процессуальную сферу деятельности правоприменительных институтов открывают новые возможности для существенного повышения уровня ее эффективности. Вместе с тем закрепление таких стандартов способствует формированию и поддержанию положительного имиджа сотрудника правоохранительных органов. Привитие навыков уверенного использования протокольного языка должно быть неотъемлемой частью подготовки юридических кадров, в том числе следователей, прокуроров и судей.

ВВЕДЕНИЕ

Научные публикации располагают к переосмыслению имеющихся правовых взглядов и позиций, позволяют предложить к рассмотрению новые грани старого явления, отправиться в путь на поиск неординарных решений. Иногда научный интерес связан с новыми тенденциями в законодательстве или правопримени-

тельной практике, а зачастую с, казалось бы, давно забытыми и решенными проблемами. К числу таковых можно отнести вопросы языка и стиля процессуальных документов в целом и протокола следственных действий в частности. Термин «язык протокола» (или «протокольный язык») следственных действий употребляется в связи с его распространенностью, хотя в данном случае есть некото-

Natalia A. SOLOVIEVA,
Cand. Sci. (Jurisprudence), Associate Professor, ORCID 0000-0002-5215-6299
Volgograd State University (Volgograd, Russia)
Head of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics
natalisoul13@mail.ru

PROTOCOL LANGUAGE OF INVESTIGATIVE ACTIONS AS A MIRROR OF PROFESSIONALISM OF LAW ENFORCEMENT OFFICERS

KEYWORDS. Criminal procedure, investigative action, protocol, professional speech, written speech, precision of presentation, unambiguity of text, emotional neutrality.

ANNOTATION. *Introduction.* A word in legal activity is never an «empty sound». Any legal designations always represent real people, their well-being, and sometimes even their lives. Language, which acts as a fundamental instrument of human communication, has historically contributed to the development of society. The protocol language of investigative actions is the most important means of conveying objective information while maintaining emotional neutrality. Without excluding subjective assessments, it is impossible to ensure fairness and impartiality of criminal proceedings. It is noteworthy that the concept of «protocol language» (or «protocol language») is not formally enshrined, but this circumstance does not cancel its existence. And the requirements for the design of protocols (in particular, protocols of investigative actions) confirm the need for an in-depth study of this means of communication. *Methods.* For a comprehensive consideration of the issues studied by the author of the article, various classical dialectical and general scientific methods of cognition were used: comparative legal, analysis, synthesis, induction, deduction, system interpretation. *Results.* The current stage of development of society is characterized by rapid improvement of digital technologies, which causes new requirements to the structure and function of the language of investigative practice. In order for it to meet the challenges of technological progress, increased attention should be paid to issues of clarity, accuracy and objectivity of the protocol language. Systematic study and implementation of language culture standards in the criminal procedure sphere of activity of law enforcement institutions open up new opportunities for a significant increase in the level of its effectiveness. At the same time, the consolidation of such standards contributes to the formation and maintenance of a positive image of a law enforcement officer. Instilling skills in the confident use of protocol language should be an integral part of the training of legal personnel, including investigators, prosecutors and judges.

рая условность. Выражаясь более точно, следовало бы говорить о речи, а не языке протокола. Вместе с тем данное обстоятельство не отменяет существования самого языка протокола, а значит, и проблем, связанных с его использованием.

Уместность употребления термина «протокольный язык» представляется очевидной. Есть устоявшиеся на практике термины и выражения, которые достаточно полно раскрывают суть обозначаемых ими явлений, хоть и не закреплены в законодательстве. Например, часто приходится сталкиваться с использованием таких терминов, как «общий надзор» и «пенитенциарный надзор», которые как бы аккумулируют суть данных отраслей надзора, что достаточно лаконично и удобно для профессиональной коммуникации. Иногда встречается выражение «язык протокола», и, возможно, с точки зрения стилистики оно более точно (язык права, язык народа, стиль и язык документа, язык криминалистики и т.п.), чем «протокольный язык», но всё же последнее выглядит органичнее в свете распространенности его использования.

Очевидно, что фундаментом протокольного языка служат уголовный процесс и криминалистика, олицетворяющие единство формы и содержания, соответственно, в протокольном языке воплощены язык уголовного процесса и язык криминалистики. Общая их черта – опора на естественный язык, то есть язык обыденного общения.

Этот язык, выступающий основой для создания любого искусственного языка, не применимый в «чистом» виде для целей науки, в то же время широко используется в протоколах следственных действий. Это обстоятельство объясняется обширностью круга участников уголовного судопроизводства и разнообразием объектов, описываемых в процессуальных документах, составляемых в ходе раскрытия и расследования преступления¹.

Использование обыденного языка в сферах науки криминалистики и уголовного судопроизводства порождает проблемы, неизбежно связанные с особенностями этого языка – многозначностью, эмоциональностью, отсутствием логики изложения, повторами и т.д. В научной литературе высказано мнение о том, что устранить недостатки применения обыденного языка возможно посредством использования в протоколе языковых средств науки, под которыми понимаются категории, определения и понятия криминалистики. Такой подход представляется правильным, поскольку протокольный язык во многом определяет имидж правоохранительных органов, уровень профессионализма и культуры их сотрудников.

Протокол как неотъемлемая часть уголовно-процессуальных документов, безусловно, требует бережного подхода к своему содержанию и оформлению не только с точки зрения профессиональных качеств его составителя, но и общекультурных, интеллектуальных и коммуникативных

¹ Малютина О.А. Язык криминалистики в протоколах следственных действий // Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н.Новгород: НА МВД России, 2009. С. 16.

черт. Поэтому так важно вновь и вновь обращаться к теме языка.

Слово в юридической деятельности никогда не бывает «пустым звуком». За любыми юридическими обозначениями всегда стоят реальные люди, их благополучие, а подчас и жизнь.

В последнее время на страницах научно-практических изданий всё чаще стал обсуждаться вопрос о юридическом дискурсе, аккумулирующем многочисленные исследования в области права, психологии, лингвистики, социологии, политологии. Важнейшей его особенностью является специфический язык, который объединяет в себе язык законодательства, язык правоприменительной практики, язык юридической науки, язык юридического образования, язык юридической журналистики и др. [1, с. 126].

Юридическая наука тесно связана с изучением языковых приемов написания правовых текстов, систем убеждений и стратегий коммуникативного поведения тех или иных субъектов, будь то конкретные личности, группы или даже абстрактные образования [2, с. 16]. Этот многообразный диапазон проявлений дискурса в правовой сфере представляет особый интерес для исследователей, поскольку является ключевым элементом анализа особенностей взаимодействия субъектов права и формирования юридической практики [3, с. 63]. Таким образом, дальнейшее углубление в изучение дискурсивного аспекта в юридической сфере поощряется для более полного понимания сложной природы правового общения и деятельности юридических субъектов [4, с. 49].

На формирование, развитие и совершенствование языка юридического дискурса влияют следующие факторы: категориальный строй сознания общества, особенности мирового мировоззрения, состояние правовой системы общества, особенности нормотворческой деятельности, состояние литературного языка, потенциал его ресурсов в качестве средств выражения правовой информации [5, с. 188].

При восприятии протокольного текста, как и вообще письменной речи, внимание обычно акцентируется не на письменных знаках, нанесенных на бумагу, а на фактах, событиях, которые описаны в этом тексте. При этом факты, события как бы отождествляются со словом. Между тем фактические данные и словесный материал, с помощью которого они фиксируются, находятся в сложных отношениях взаимодействия. В процессе этого взаимодействия язык слов накладывает свой отпечаток на «язык» выражаемых им фактических данных. Поэтому протокольный язык имеет очень важное значение для обеспечения достоверности сведений, фиксируемых в протоколах следственных действий.

МЕТОДЫ

Для всестороннего рассмотрения исследуемых нами проблем были традиционно использованы различные классические диалектические и общенаучные методы познания: сравнительно-правовой, анализ, синтез, индукция, дедукция, системная интерпретация. При разработке данной методики автор исходил из таких основных принци-

пов: любое понятие имеет бесконечное множество сторон, или аспектов; вклад каждого аспекта в понятие разный; по величине вклада аспекты понятия образуют иерархию. Поэтому сначала были рассмотрены общие положения, относящиеся к вопросам определения и значения протокольного языка, а потом – качественные характеристики требований, предъявляемых к протокольному языку.

Индукцию и дедукцию как методы решения поставленных задач следует интерпретировать только в тесной связи с анализом и синтезом, как движение познания от анализа к синтезу и, соответственно, от синтеза к анализу. Такая интерпретация индукции и дедукции уточняет и понимание самого метода: не только как анализ и синтез, но и как синтез и анализ. Непосредственным образом это относится и к использованию протокольного языка как средства повышения эффективности предварительного расследования. Протокольный язык играет ключевую роль в процессе доказывания, и потому может быть рассмотрен только через призму анализа самого процесса доказывания и синтеза требований, система которых дает представление о языке протокола.

В связи с этим требования, предъявляемые к использованию языка при составлении протокола, в ходе проведенного нами исследования подвергались системной интерпретации с целью подробного изучения их характеристики.

Использованная методология позволила определить место протокольного языка в доказывании и выявить, какое влияние он оказывает на создание положительного имиджа правоохранительных органов.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Язык, выступающий в качестве основополагающего инструмента человеческой коммуникации, исторически способствовал прогрессу социума. Тем не менее в условиях развития информационно-коммуникационных технологий актуальность исследования языка вновь выходит на передний план. Данный дискурс приобретает особую значимость в сфере уголовно-процессуального права, где язык не только инструментально закрепляет правовые нормы, но и служит средством фиксации событийной картины [6, с. 97].

Язык является неотъемлемым элементом уголовно-процессуальной деятельности, обеспечивающим прозрачность и легитимность процессуальных документов. Протокольный язык должен сохранять строгую нейтральность и быть сведенным к объективной передаче информации. Исключение субъективных оценок представляет собой фундаментальное свойство процессов, связанных с обеспечением справедливости и беспристрастности.

Формирование унифицированных лексических стандартов для протоколов является необходимым условием устранения множественности трактовок. Строгая стандартизация способствует согласованности и надлежащему пониманию правового содержания.

Овладение языковыми нюансами и их импликациями в правовом поле должно стать неотъем-

лемой частью подготовки юридических кадров, включая следователей, прокуроров и судей. Развитие лингвистических компетенций укрепляет способность к точной и грамотной фиксации процессуальных реалий. Это, в свою очередь, позитивно отразится на имидже правоохранительных органов, поскольку протокольный язык является зеркалом профессионализма и мастерства их сотрудников.

В настоящее время, характеризующееся бурным развитием цифровых технологий, предъявляются новые требования к структуре и функции языка следственной практики. Чтобы соответствовать современным вызовам, обусловленным технологическим прогрессом, следует уделять повышенное внимание вопросам ясности, точности и объективности протокольного языка. Систематическое изучение и внедрение в уголовно-процессуальную сферу стандартов языковой культуры будет способствовать повышению эффективности правоприменительных институтов.

ОБСУЖДЕНИЕ

В рамках изучения вопросов культуры следственных действий Е.Е. Подголиным были разработаны требования к «языку протокола»: однозначность; дословное, по возможности, отображение существенных данных, содержащихся в показаниях, и стилистическая нейтральность при фиксации других сведений; точность; понятность; лингвистическая правильность; уместность; краткость¹.

Однозначность языка. Когда хотят подчеркнуть сухость, однозначность, точность какого-либо обыденного письменного или устного сообщения, говорят о его протокольном языке. Отчасти, это верно, так как слова и словосочетания, используемые в протоколах, не так многозначны и более строги в употреблении, чем те, которые имеют место в обыденной речи. У них меньше смысловых оттенков и других подобного рода наслоений. Вместе с тем язык протоколов следственных действий не является эталоном однозначности, так как это всё-таки обыденный язык с его нестрогими речевыми рамками, хотя и имеющий некоторую специфику. Составляя, например, протокол осмотра места происшествия, следователь использует слова и их сочетания, имеющие широкий диапазон значений. Так, в протоколах часто используется устойчивое словосочетание «рисунок каблука следа обуви правой ноги рельефный». В толковом словаре «рельефный» определяется как выпуклый, выступающий над поверхностью, отчетливый, выразительный². Примеры можно было бы продолжать. В многозначности протокольного языка легко убедиться, сопоставив слова, взятые из протокола, с их значениями, приводимыми в толковых словарях.

Всё это не способствует достоверному отображению в протоколах фактических данных. Поэтому необходимо стремиться к тому, чтобы язык

протоколов по своему содержанию приближался к фотографии. В настоящее время во многих «отраслевых языках» наблюдается тенденция к однозначности, то есть к приданию знакам письменной речи только одного значения.

Думается, что такая тенденция всё в большей степени будет проявляться в протокольном языке. Использование в протоколах слов и словосочетаний, имеющих строго очерченные значения, позволит фиксировать данные с большей приближенностью к объективной действительности. Стандартизация протокольного языка явилась бы одним из первых шагов к последующей его модернизации с помощью искусственных языков. Такая формализация окажет помощь в будущем при типизировании формальной (семантической) стороны протокольных описаний, а также при разработке надежных кодов для алгоритмизации протоколируемой информации и ее последующей электронной обработки³.

В юридической практике протоколы требуют высокой степени ясности, что делает нежелательным использование синонимов и многозначных слов. Оно создает опасность размывания смысла передаваемой информации и возникновения недоразумений. Такие языковые элементы запутывают содержание протоколов и усложняют его понимание, что недопустимо в уголовно-процессуальной деятельности.

Тем не менее полностью избавиться от проявлений синонимии и полисемии при составлении протоколов невозможно. Они свойственны естественному языку, на котором составляются протоколы. Однако важно иметь в виду, что эти лингвистические особенности необходимо приобщать к потребностям ясности и точности фиксации информации в протоколах.

Природу синонимии и полисемии⁴ можно наглядно представить с помощью эпизода из знаменитой философской сказки Льюиса Кэрролла «Алиса в Зазеркалье» [7, с. 64]. Путешествуя по Зазеркалью, Алиса попадает в мистический и тревожный лес, где отсутствуют имена и названия. Она замечает, что ее способность вспоминать слова исчезла. В этом лесу все – деревья, цветы и сама Алиса – теряют свои наименования. Испытывая замешательство, она отождествляет себя с ланью. К счастью, именно лань помогает ей добраться до другого леса, где слова вновь обретают значение, и Алиса восстанавливает свои воспоминания.

Подобное явление можно наблюдать и у человека в начале его жизненного пути. Рождаясь, он оказывается в «безымянном лесу», так как еще не умеет выделять отдельные предметы из общего потока впечатлений и присваивать им названия. Лишь с развитием речевых навыков проявляется уникальное свойство человеческого разума – способность к вербальной категоризации окружающего мира. Она позволяет связать словесные знаки

¹ Подголин Е.Е. Культура следственных действий: Учебное пособие. Волгоград, 1978. С. 24.

² Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1970. С. 635.

³ Подобный подход к документации наблюдается, например, в экономической науке.

⁴ В лингвистической теории нет единства мнений о сущности синонимии и полисемии. Здесь и далее они трактуются в наиболее общем семиотическом плане.

с определенным содержанием и осмыслить происходящее через их обозначение.

Рассмотрим сценарий, в котором индивид решил оптимизировать использование словесных «ярлычков-указателей» и стал применять одно слово для обозначения различных объектов, связанных по каким-либо признакам. Это явление известно как полисемия, или многозначность, при которой одно слово обладает несколькими значениями. В другом контексте индивид использует несколько различных слов для обозначения одного и того же объекта, акцентируя внимание на его отдельных характеристиках. Это называется синонимией: несколько слов связаны с одним объектом [7, с. 64].

Следует отметить, что и возникновение многозначности, и развитие синонимии – это естественные закономерности языка, проявляющиеся в процессе любой познавательной деятельности, включая сложные задачи, такие как составление протоколов следственных действий. Синонимия особенно полезна в таком контексте, поскольку позволяет уточнять и разъяснять, например, высказывания допрашиваемого, тем самым упрощая составление протокола. Во многих случаях именно синонимические конструкции могут обеспечить адекватное соотношение между абстрактными и конкретными элементами изложения, что критически важно для всех протоколов следственных действий.

С учетом знаковой природы естественного языка полное исключение многозначных слов и синонимов представляется невозможным. Более того, отказ от этих гибких средств выражения был бы нецелесообразен, поскольку они позволяют тонко дифференцировать понятия и точно передавать их взаимосвязь. Усилия, направленные на полное устранение синонимов и многозначности из протокольных текстов, можно сравнить с попытками создать вечный двигатель, поскольку они изначально обречены на неудачу. Однозначность в протокольном языке относится не к использованию исключительно одного слова, а к его однозначному восприятию и унифицированному толкованию. Поэтому при составлении протокола необходимо не столько устранять синонимию и многозначность как таковые, сколько ликвидировать все помехи для точной ассоциации слова с конкретным смыслом и точной идентификации обозначенного предмета.

В протоколах следует избегать сокращений. Если наименования органов, учреждений, организаций и других объектов упоминаются многократно, в первый раз они должны быть приведены в полном объеме, после чего в скобках указывается сокращенный вариант, предназначенный для дальнейшего использования.

Стандартизация протокольных бланков имеет большое значение в обеспечении однозначности терминов и понятий. Необходима унификация, способствующая реализации прав и обязанностей участников следственных действий, а также соблюдению процессуальных норм и криминалистических рекомендаций по сбору и фиксации доказательств. Данное требование к стандартизации

протокольного языка можно назвать формализацией и унификацией, представляющими собой его характерные черты.

Вполне оправданной является разработка протокольных бланков, унифицированных не только по процессуальной форме, но и по содержанию. Бланки протоколов некоторых следственных действий, например осмотра, освидетельствования, предъявления для опознания и другие, не сковывая творческой инициативы следователя, могут быть унифицированы по значительному количеству реквизитов.

В целях однозначного употребления языка желательно подготовить толковый словарь (или справочник) наиболее часто употребляемых криминалистических выражений (терминов), а также другого языкового материала, используемого в ходе протоколирования. Это окажет помощь в стандартизации языка. Кроме того, такой словарь может использоваться участниками следственных действий с целью разъяснения смысла тех или иных слов.

Нередко в средствах массовой информации стереотипный (или, как его иногда называют, департаментский, штампованный) язык протоколов подвергается необоснованной критике. Повидимому, в подобных случаях беспричинно проводится параллель между протокольным языком и языком художественной литературы. Между тем достоинство стереотипной фразеологии состоит в том, что она отшлифована не одним поколением юристов, в силу частоты употребления одинаково (однозначно) понимается участниками уголовного процесса и гражданами, присутствующими в зале судебного разбирательства, требует меньше затрат времени при подыскании нужных слов в ходе составления процессуальных документов.

Немалую помощь в подборе однозначного словесного материала оказывают справочники, содержащие изображения и наименования отдельных предметов с описанием их признаков. По нашему мнению, работа по составлению таких справочников, основанная на изучении уголовных дел и результатах научных исследований, должна быть продолжена.

В ходе следственных действий и протоколирования их результатов нередко возникают затруднения с наименованием цвета. Так, в протоколах мы находим «малиновый», «кирпичный», «цвет морской волны» и т.д., хотя известно, что кирпич может быть различных цветов, как различна и окраска ягод малины в зависимости от стадии их созревания. Еще более неопределенным является цвет морской волны. Существенную помощь в решении проблемы оказал бы атлас цветов. Найдя в нем необходимый цвет, можно правильно назвать его и, кроме того, сделать ссылку в протоколе на соответствующую страницу атласа. Такая ссылка для большей наглядности может дополняться сравнениями с устойчивыми цветами различных предметов.

Трудности возникают также при указании признаков голоса. Например, допрашиваемые нередко говорят, что они могут узнать интересующее следствие лицо по особенностям речи

и при этом называют голос тонким, грубым, осипшим, густым и т.д. Подобные названия не дают, конечно, однозначного представления о признаках голоса. Поэтому даже в случаях, когда допрашиваемый опознает лицо по голосу, достоверность такого опознания будет вызывать сомнения, так как трудно судить, опознанный ли голос описал допрашиваемый в своих предыдущих показаниях. В связи с этим представляется целесообразным снабдить следователя фонотекой с записями речи, демонстрирующими различные признаки голоса. В процессе допроса могли бы воспроизводиться фонограммы, а после узнавания голоса допрашиваемым фонограмму с записью только этого голоса следовало бы приобщить к протоколу как приложение к нему, имеющее такое же значение для дела, как, например, выполненные допрашиваемым схемы или рисунки.

Отечественное процессуальное законодательство предъявляет строгие требования к точности фиксации в письменной форме существенных данных, содержащихся в показаниях. Задача заключается в том, чтобы по возможности максимально приблизиться к дословности передачи устной речи в письменном документе. При этом необходимо обеспечить ясность и взаимосвязанность излагаемых мыслей. Выполнение данного требования на практике сопряжено с трудностями, возникающими по причине значительных различий между устной и письменной формами речи.

Поэтому при фиксации показаний труднее соблюсти условие однозначности. Представляется, что дословно в протоколе должны фиксироваться только наиболее существенные для дела данные. При этом многозначные речевые конструкции, записанные практически дословно, целесообразно пояснять в протоколе речью следователя. Такой порядок записи показаний соответствует фактическим возможностям следователя. Попытки записать показания в полном объеме дословно, даже с учетом оговорки закона, – нереальны, так как протокол, в котором зафиксированы показания, является результатом речевого взаимодействия следователя и лица, давшего показания, то есть продуктом их совместного труда. Кроме того, устные показания неизбежно отражают в той или иной мере речь следователя, составившего протокол. Отличие устных показаний от их письменного изложения неизбежно также потому, что устная речь во много отличается от письменной. Так, известно, что даже произведения драматургии далеко не всегда адекватно передают устную речь. Это различие становится хорошо заметным, например, при сопоставлении устных показаний свидетелей и этих же показаний, записанных ими собственноручно.

С учетом сказанного более удачной представлялось бы использование в законе формулировки, требующей не «по возможности» дословной записи показаний, а точной записи показаний. По мере совершенствования технического прогресса

звукозапись может «взять на себя» стиль показаний, а протокол будет передавать только их содержательную сторону.

Ранее допрашиваемый имел возможность самостоятельно записывать свои показания после завершения допроса должностным лицом. Это предусматривалось в УПК РСФСР 1923 года (ст.ст. 139 и 168) и УПК РСФСР 1960 года (ст.ст. 152 и 160) и положительно воспринималось как научным сообществом, так и практикующими юристами. По мнению Р.Д. Рахунова, данная возможность имела принципиальное значение, будучи одной из гарантий аутентичности языка и стиля допрашиваемого в протоколе. Несмотря на требование закона о дословной записи показаний, на практике возникают сложности, поскольку протоколы зачастую отражают стиль письменной речи следователя, а не свидетеля. Собственноручная запись свидетелем своих показаний укрепляет их доказательственное значение, особенно в случаях, когда в суде свидетель изменяет показания или отказывается от них¹. Следует согласиться с такой позицией и выступить за возвращение допрашиваемому права собственноручной записи показаний [8, с. 5]. Кроме того, представляется целесообразным проводить аудио- и видеозапись хода допроса или другого следственного действия, и оформлять полученные таким образом материалы в качестве приложения к протоколу. Подобный порядок фиксации информации давно применяется в ходе судебного разбирательства, и было бы логично распространить его и на досудебные стадии.

При оценке долгосрочных перспектив дистанционного допроса, который представляет собой относительно новое явление в российском досудебном производстве по уголовным делам, можно сделать вывод о том, что ожидается значительное упрощение этой процедуры. Благодаря развитию информационно-коммуникационных технологий, обеспечивающих безопасную передачу данных и надежную идентификацию участников общения, в некоторых случаях допрашиваемому не потребуется являться в следственные органы. Идентификация личности будет осуществляться с использованием технических средств, инструкции и права будут разъясняться следователем дистанционно. Проведение видеоконференций, соответствующих требованиям российского уголовного процесса, станет возможным посредством использования персональных устройств, таких как смартфоны. Тем не менее, вероятно, останется необходимость в составлении следователем письменного протокола, который будет подлежать заверению. К нему обязательно должна прилагаться видеозапись допроса, которая подтвердит легитимность и подлинность протокола [8, с. 5].

Для протокольного языка свойственна **эмоционально-экспрессивная нейтральность**, текст должен быть ориентирован не на эмоции, а на логическое восприятие. В юридическом дискурсе слова обычно употребляются в своих прямых значениях. Даже самые нестандартные с мораль-

¹ Рахунов Р.Д. Свидетельские показания в советском уголовном процессе. М., 1955. С. 95-96.

ной точки зрения происшествия и явления юрист должен описать нейтрально, не оказывая эмоционального воздействия на текст, не раскрывая в нем своей правовой оценки события.

В показаниях нередко содержатся идиомы и эмоционально окрашенные слова, например «жил на широкую ногу», «залил глаза водкой», «сестричка», «хорошенький» и т.д. Подобные слова и словосочетания желательно фиксировать в протоколе, так как они образно и убедительно выражают мысли допрашиваемого, а также его отношение к лицам, предметам, о которых он говорит. При необходимости для обеспечения точности записи такие выражения поясняются в протоколе. В отличие от протоколирования показаний при фиксации других данных, например полученных при осмотре, необходимо употреблять стилистически нейтральный язык, избегая эмоционально окрашенных слов, например таких, как «маленький домик», «сумочка», «ключик» и т.д. [9, с. 341].

Логическая связанность и последовательность изложения не ограничивается стандартизацией протокольной формы. Они должны распространяться гораздо шире, в том числе и на смысловую нагрузку текста.

Точность описания предполагает конкретность словесного материала, выделение фактической стороны фиксируемых сведений. Так, если свидетель говорит, что обвиняемый – пьяница, к жене относится плохо, недостаточно ограничиться записью в протоколе только этих слов. Для точности описания необходимы фактические основания оценок, так как в данном примере свидетель исходил из какого-то стандарта, идеала, когда формулировал свои оценки. Такой стандарт может быть один у свидетеля, который сам выпивает и плохо относится к жене, и совершенно другой – у свидетеля, не пьющего и хорошо относящегося к жене.

Главное – точность выражения мысли. Точность протокольного языка достигается благодаря четкости и однозначности формулировок. Информация в протоколе должна находиться в жестких, строго очерченных границах, чтобы все субъекты восприятия получали одинаковые впечатления (в отличие от восприятия литературного произведения).

Любая неточность высказывания может стать критическим фактором, способным привести к проигрышу дела, даже если изначально шансы на успех были высоки. Данная мысль была озвучена еще во II веке нашей эры знаменитым римским юристом Гаем. В подтверждение он приводил пример из собственной практики: некий гражданин обратился в суд с иском о возмещении ущерба, причиненного порчей его виноградников, но потерпел неудачу из-за того, что ошибочно употребил выражение «срубил деревья» (*devitibussuccisis*) [10, с. 75].

Наблюдения Гая сохраняют свою актуальность и в современную эпоху. Несмотря на обширное использование различных систем коммуникации, естественный язык остается основным инструмен-

том общения в правовой сфере. Недостаточно четкая формулировка закона или даже всего одно неверно употребленное слово может повлечь за собой серию юридических ошибок и серьезные правовые последствия.

Однако не всегда высказывания допрашиваемых содержат оценочные понятия. Не противоречит точности описания фиксация в протоколе допроса их суждений, основанных на собственном опыте, знании языка и правил его употребления. Представляется, что не прав М.С. Строгович, который писал, что «восприятие и воспроизведение свидетелем того или иного факта обязательно в какой-то степени включает умозаключение, вывод... Например, свидетель показывает, что он видел человека высокого роста. Это уже не просто восприятие факта, но и умозаключение: свидетель мысленно сравнил рост этого человека с ростом других людей и пришел к выводу, что рост этого человека выше обычного»¹.

В приведенном примере свидетель не делал умозаключения. На основе своего опыта и знания языка, закрепившего многовековой опыт людей, он привычно связал слово «высокий» с восприятием описываемого им человека. Если считать высказывания подобного рода умозаключениями, не имеющими доказательственного значения, то следовало бы почти все слова и словосочетания отнести к категории умозаключений. Например, если свидетель говорит, что не видел человека, значит ли это, что он сравнил объект наблюдения с птицами, животными и т.д. для того, чтобы сделать соответствующее умозаключение? Как уже было сказано выше, в подобных случаях умозаключения не делаются.

Понятно, что стремление к точности описания – не самоцель. В затруднительных случаях лучше фиксировать признаки предмета и воздержаться от их наименования. Так, например, точно не зная типа узора пальцевого отпечатка, обнаруженного на месте происшествия, не следует называть его, лучше более подробно описать другие, индивидуализирующие его признаки. Не располагая точными измерительными приборами, которые требуются для определения значительных размеров, нет необходимости фиксировать их в протоколе [11, с. 66]. В противном случае, к примеру, могут возникнуть существенные противоречия между протоколом и последующим заключением эксперта.

Понятность протокольного языка тесно связана с его точностью и однозначностью. Способность понимать слова, создавать тексты и извлекать из них общепринятый смысл заложена в людях от рождения и свободно реализуется в любой нужный момент. Никаких вспомогательных средств или дополнительных ресурсов для этого не требуется, что делает язык простым и удобным для повседневного употребления [7, с. 10]. А сами слова не имеют непосредственной связи с внешним миром, они в высшей степени абстрактны. Некоторые авторы считают, что знаковые выражения являются понимаемыми, если по отношению

¹ Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1. М., 1968. С. 409.

к ним могут быть сформулированы соответствующие правила введения и исключения¹. Правила введения состоят в том, что лицу демонстрируется ситуация, показывается предмет и при этом употребляются необходимые слова. Правила исключения знакового выражения состоят в умении лица находить предметы по их именам и описаниям. Эти предметы могут быть использованы для обеспечения понятности протокольных записей. С этой целью желательно предъявлять участникам следственных действий справочники, имеющие словесные описания фотоснимков, графических изображений объектов, толковые словари, предметы, сходные с теми, о которых даются показания, но которых не имеется в наличии в момент получения показаний [12, с. 378]. Предъявление указанных объектов должно отражаться в протоколе, например в форме вопроса.

При фиксации специальных терминов необходимы касающиеся их пояснения, изложенные в общепотребительных выражениях, которые, например, может давать специалист. В протоколе следует отметить, что специальные наименования пояснены специалистом.

Осмысленность фактических данных предполагает умение облечь их в речевую форму как следователем, так и другими участниками следственного действия [13, с. 169]. Однако случается, что в сознании участника следственного действия, например допрашиваемого или опознающего, имеется какой-то наглядный образ, но расчленив его посредством словесного описания он затрудняется [14, с. 130]. В подобных случаях такому лицу целесообразно было бы предъявить образцы словесных описаний и поставить перед ним задачу выбрать из них описания, соответствующие его мыслям, которые он затрудняется выразить словами. Например, различные описания признаков внешности могут быть предъявлены свидетелю, заявившему, что он уверенно опознает обвиняемого, но не может словами описать его внешность.

Лаконичность и компактность протокольного языка. Важная характеристика протокольного описания – его краткость. Одним из условий содержательной краткости описания является хорошее знание всех материалов дела. Необходимо также учитывать в процессе протоколирования все обоснованно выдвинутые версии относительно обстоятельств совершенного преступления.

Для того чтобы протокол был понятен участникам следственного действия, целесообразно формулировать короткие предложения. Лучше и легче воспринимается текст, когда он изложен лаконично. На синтаксическом уровне компактность достигается путем перестроения нескольких простых предложений в одно сложное, поскольку могут возникнуть затруднения с пониманием таких предложений у прокуроров и судей [15, с. 106]. Короткими предложениями должны фиксироваться показания несовершеннолетних.

Лингвистическая правильность записанного в протоколе имеет немаловажное значение для обеспечения его достоверности. Неверное

употребление слов и словосочетаний, грамматические и стилистические ошибки могут исказить содержание протокола. Соблюдение названного требования имеет также значение для тактики производства следственного действия. Известно, что при общении на оценку личности, помимо других обстоятельств, влияет лингвистическая правильность речи, в том числе и письменной. Ошибки, допускаемые в протоколе, не только не способствуют воспитательному воздействию, установлению контакта с тем или иным участником следственного действия, но и могут даже вызвать антипатию к следователю. Недопустимы также лингвистические неточности в реквизитных текстах протокольных бланков [16, с. 76].

При отборе словесного материала необходимо считаться с уместностью употребления в описании тех или иных слов и фраз. Неуместно, например, использование нецензурной лексики (с многоточиями и без них). Особой осторожности требует обращение со словами, выражающими сведения о фактической стороне преступления против нравственности, хотя в этом случае вредит и излишняя стыдливость.

И последнее: протокольный язык должен отвечать такому требованию, как системность. Категории юридического языка, описывая определенную область действительности, находятся во взаимосвязи и взаимодействии друг с другом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, качество языка, используемого при написании протокола следственного действия, является индикатором профессионализма следователя. По языку и стилю протокола можно судить об общем профессиональном и интеллектуальном уровне следователя, что, в свою очередь, влияет на формирование имиджа всей системы правоохранительных органов. Очень важно, чтобы этот имидж соответствовал тем ожиданиям и задачам, которые ставит государство в сфере повышения уровня правовой культуры и правосознания населения, создавал адекватное представление об эффективности расследования и предупреждения преступлений.

В связи с этим очевидно, что исследования в области совершенствования протокольного языка следственных действий никогда не потеряют своей актуальности, поскольку многие проблемы обусловлены субъективными факторами и связаны с кадровой политикой, естественными процессами смены поколений. Значит, останутся востребованными разработки, ориентированные на помощь молодым сотрудникам в овладении умениями и навыками грамотной речи, не только письменной, но и устной. Представляется целесообразным обозначить следующие перспективные векторы научно-практического поиска: обоснование предложений о внесении в действующее законодательство изменений, касающихся закрепления возможности собственноручной фиксации показаний; решение вопроса об уместности использования в научной литературе термина «протокольный

¹ Горский Д.П. Проблема значения (смысла) знаковых выражений как проблема их понимания // Логическая семантика и модальная логика. М., 1967. С. 62.

язык» или «язык протокола»; разработка программ повышения квалификации сотрудников правоохранительных органов, нацеленных на развитие дополнительных компетенций в области русского языка и письменной речи; создание базы вспомогательных материалов, облегчающих работу следователя.

Интерес к, казалось бы, забытой теме снова объединит ученых и представителей территориальных органов с тем, чтобы можно было с уверенностью констатировать, что «язык протокола» (или «протокольный язык») является зеркалом высокого профессионализма и мастерства сотрудников правоохранительных органов. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Виноградов И.А. Свойства, функции и языковые черты юридического дискурса // Веснік Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.А. Куляшова. Сер. А. Гуманітарныя навукі (гісторыя, філасофія, філалогія). 2018. № 1. С. 124-129.
2. Соловьева Н.А. Амфиболичность юридического дискурса или искусство владения словом в профессиональной юридической деятельности // Legal Concept. 2024. № 3. С. 14-20.
3. Косоногова О.В. Характеристики юридического дискурса: границы, содержание, параметры // Историческая и социально-образовательная мысль. Гуманитарные науки. 2015. № 1. С. 61-65.
4. Хомутова Т.Н., Шефер Е.А. Юридический дискурс: проблемы и перспективы исследования // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2019. № 3. С. 44-53.
5. Ахмедов У.Н. Уголовно-процессуальный анализ формы и доказательственного значения протоколов следственных действий // Вестник Воронежского института МВД России. 2022. № 3. С. 186-191.
6. Галютдинов Р.Р. Протокол следственного действия как первоочередное и производное доказательство // Современный юрист. 2023. № 4 (45). С. 94-102.
7. Губаева Т.В. Язык и право. Искусство владения словом в профессиональной юридической деятельности. М.: НОРМА, 2004. 160 с.
8. Новиков С.А. Фиксация показаний допрашиваемого в ходе предварительного расследования: актуальные вопросы // Российский следователь. 2023. № 5. С. 2-6.
9. Попова О.А. Процессуальные аспекты фиксации доказательственной информации, представленной в электронной форме // Евразийский юридический журнал. 2023. № 8 (183). С. 341-342.
10. Аннерс Э. История европейского права. М., 1996. 395 с.
11. Кошечев К.И. К вопросу о качестве составления протоколов следственных действий // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2021. № 1 (54). С. 64-69.
12. Борова Д.М., Гаужаева В.А. Совершенствование порядка протокольной фиксации хода и результатов обыска // Пробелы в российском законодательстве. 2022. № 5. С. 377-380.
13. Азарова Е.С. Усмотрение суда как часть структуры уголовно-процессуальной парадигмы // Правовая парадигма. 2019. № 4. С. 166-173.
14. Новиков С.А. Дистанционный допрос в ходе предварительного расследования: в шаге от реализации // Юридическая наука: история и современность. 2021. № 11. С. 128-132.
15. Азарова Е.С. Алгоритм усмотрения суда и разрешение ходатайств в уголовном процессе // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2018. № 2. С. 101-108.
16. Хайдаров А.А. Практика признания протоколов следственных действий недопустимыми доказательствами // Уголовный процесс. 2024. № 6 (234). С. 74-79.

REFERENCES

1. Vinogradov I.A. Svoystva, funktsii i yazykovyye cherty yuridicheskogo diskursa // Vesnik Magilouskaga dzyarzhajnağa ūniversiteta imya A.A. Kulyashova. Ser. A. Gumanitarnyya navuki (gistoryya, filasofiya, filalogiya). 2018. № 1. С. 124-129.
2. Solov'yeva N.A. Amfibolichnost' yuridicheskogo diskursa ili iskusstvo vladeniya slovom v professional'noy yuridicheskoy deyatelnosti // Legal Concept. 2024. № 3. С. 14-20.
3. Kosonogova O.V. Kharakteristiki yuridicheskogo diskursa: granitsy, soderzhaniye, parametry // Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'. Gumanitarnyye nauki. 2015. № 1. С. 61-65.
4. Khomutova T.N., Shefer Ye.A. Yuridicheskii diskurs: problemy i perspektivy issledovaniya // Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika. 2019. № 3. С. 44-53.
5. Akhmedov U.N. Ugolovno-protsessual'nyy analiz formy i dokazatel'stvennogo znacheniya protokolov sledstvennykh deystviy // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. 2022. № 3. С. 186-191.
6. Galyautdinov R.R. Protokol sledstvennogo deystviya kak pervoocherednoye i proizvodnoye dokazatel'stvo // Sovremennyy yurist. 2023. № 4 (45). С. 94-102.
7. Gubayeva T.V. Yazyk i pravo. Iskusstvo vladeniya slovom v professional'noy yuridicheskoy deyatelnosti. M.: NORMA, 2004. 160 s.
8. Novikov S.A. Fiksatsiya pokazaniy doprashivayemogo v khode predvaritel'nogo rassledovaniya: aktual'nyye voprosy // Rossiyskiy sledovatel'. 2023. № 5. С. 2-6.

9. Popova O.A. Protssessual'nyye aspekty fiksatsii dokazatel'stvennoy informatsii, predstavlennoy v elektronnoy forme // Yevraziyskiy yuridicheskiy zhurnal. 2023. № 8 (183). S. 341-342.
10. Anners E. Istoriya yevropeyskogo prava. M., 1996. 395 s.
11. Koshcheyeva K.I. K voprosu o kachestve sostavleniya protokolov sledstvennykh deystviy // Vestnik Ural'skogo instituta ekonomiki, upravleniya i prava. 2021. № 1 (54). S. 64-69.
12. Berova D.M., Gauzhayeva V.A. Sovershenstvovaniye poryadka protokol'noy fiksatsii khoda i rezul'tatov obyska // Probely v rossiyskom zakonodatel'stve. 2022. № 5. S. 377-380.
13. Azarova Ye.S. Usmotreniye suda kak chast' struktury ugolovno-protssessual'noy paradigmy // Pravovaya paradigma. 2019. № 4. S. 166-173.
14. Novikov S.A. Distantionnyy dopros v khode predvaritel'nogo rassledovaniya: v shage ot realizatsii // Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'. 2021. № 11. S. 128-132.
15. Azarova Ye.S. Algoritm usmotreniya suda i razresheniye khodataystv v ugolovnom protsesse // Uchenyye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskiye nauki. 2018. № 2. S. 101-108.
16. Khaydarov A.A. Praktika priznaniya protokolov sledstvennykh deystviy nedopustimymi dokazatel'stvami // Ugolovnyy protsess. 2024. № 6 (234). S. 74-79.

© Соловьева Н.А., 2024.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Соловьева Н.А. Протокольный язык следственных действий как зеркало профессионализма сотрудников правоохранительных органов // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 4 (78). С. 46-55.